
КИРА ВОЛКОВА
ПОКАЯНИЕ. СМИРЕНИЕ. ПРОЩЕНИЕ.
ГОРОД ИВ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Кира Волкова
Город Ив

https://litres.ru/74727873
SelfPub; 2026

Аннотация

Время здесь стоит, тела догнивают свой век, а воспоминания о прошлом исчезли. Но она не собирается покидать это мрачное место по доброй воле, потому что впереди может быть ещё страшнее...

Кира Волкова
Город Ив

Глава 1

Город проклятых, город мёртвых, город за гранью. Люди, как всегда, спешили по своим делам. Работа, дом, заботы. И только я видела, что они покрыты белой, тягучей паутиной, обволакивающей лица, тела, руки, обтягивая их словно саван. И эти ивы повсюду. Плачущие, скорбящие, сгорбленные до земли, обмотанные всё той же паутиной. Она сдавливала их так сильно, что у подножья ствола капали бурые, склизкие слёзы. Зловещее место, где каждое утро тётя Таня, большая, грузная женщина, улыбаясь сквозь белеющую пелену на лице, натягивала нити паутины почти до разрыва. А потом дядя Паша, худой, жилистый мужичок, медленно и скрипуче желал хорошего дня. Все здесь одеты в серые одежды, женщины – в бесформенные платья, а мужчины – в безликие брюки и рубашки. Как заключённые или рабочие грязных фабрик. Потрёпанные, запылённые, одинаковые. И тяжёлые-тяжёлые ботинки на тракторной подошве. В них идёшь, будто в кандалах, таща свою неподъёмную ношу.

Каждый раз я напяливала ужасное платье, натягивала обувь, туго шнуруя, и шла на работу. Это повторялось изо дня в день, будто хорошая традиция, но она плохая. Здесь всё гнилое, дряхлое, ветхое и давно уже должно обратиться в прах, но каждое утро оно воскресало вновь. Старые каменные дома с мокрыми разводами от бесконечного дождя, по

которым бежала плесень. Ржавые крыши, вечно скрипящие под натиском холодного ветра. Покошенные ставни, трясущиеся то ли от его резких порывов, то ли от страха. Мутные оконные стекла, испещрённые трещинами и сколами, как лёд по весне. Но весны здесь не бывает, только хмурая, бесконечная осень.

Я работала на площади в книжной лавке, где все шкафы затянуты вездесущей паутиной. Чтобы достать нужную книгу, приходилось долго разрывать белые нити пальцами, добывая столь желанный артефакт. На их страницах всё было очень радужно и всегда заканчивалось хорошо, а тут – серо и угнетающе. Только чтение сказок помогало мне переживать день за днём. Лавка не моя, но никто ни разу не приходил забрать прибыль. Складывала её в большую жестяную коробку и прятала за шкаф в мягкий клок паутины. Да почти никто и не заходил сюда, поэтому я сидела целыми днями одна.

Очнулась однажды по дороге в лавку, будто кто-то включил свет в моей голове. Нажал на тумблер, и я начала мыслить. Тяжело, со скрипом, едва шевеля мозгами, приходила потихонечку в себя. Осознавала, принимала, пыталась понять, где я. Моя фамилия Пустова, и больше ничего не знала. Были ли у меня родители, сёстры или братья? Просто я каждый день ходила на работу и читала сказки. И кажется, что я здесь навсегда. Но я не хочу здесь быть!

Вечером направлялась домой через весь город, где жила одна на отшибе. Проходила, шаркая массивными ботинка-

ми, по угнетённым улицам, протискивалась меж серых домов с уже закрытыми ставнями, что бились и плакали человеческим голосом. Вода из ледяных луж заливалась в ботинки. Вечный дождь, холод и тоска. Но самое ужасное начиналось, когда на мрачный город удушливым, плотным одеялом ложилась тьма. И до её наступления непременно нужно было добраться до дома, и я каждый день со всех ног спешила туда.

Проходила мимо постового, он единственный, кто не торопился в укрытие, а стойко ожидал ночи на улице. Никто больше не решался оставаться снаружи в столь позднее время суток. Его фамилия Багров – вот и всё, что мне известно. Ни имени, ни отчества, ни того, как он переживал эти ночи. Кстати, постовой не затянут паутиной, как все остальные, и я даже могла разглядеть его глаза, но в сумерках никогда не различала их цвета. Наверное, серые, как и всё вокруг. Страж высок, крепко сложен и всегда отрешённо смотрит в никуда. На нём бессменный кожаный плащ до колена. От вечных дождей ворот всегда поднят, но Багров не прячется, не ёжится, а терпеливо принимает. И всегда мокрые, коротко подстриженные волосы, немного спадающие на лоб. С ума можно сойти, так стоять на посту днями напролёт под этой чёртовой, идущей с неба, водой.

Постовой всегда желал мне спокойной ночи. Весьма мило с его стороны. Низкий, чуть с хрипотцой, голос успокаивал. Я бы хотела завести с ним разговор, но не решалась. Просто

отвечала: «Спасибо. И вам». Ведь ничего кроме «спокойной ночи» у меня и нет. Но сначала надо было добраться до дома, запереться как следует, закрыть ставни и лечь на койку. Главное – уснуть, а это совсем не просто. Тьма забивалась в окна, двери, замочные скважины, дымоходы. Она словно дышала, там за стенами, заставляя их дрожать от ужаса. Но потом приходил он – Морфей. Мне снились красочные сказки, которые я читала в лавке днём. И только во сне я по-настоящему счастлива, но снова наступал день, и всё начиналось сначала...

Я ходила на работу, встречала людей в паутине, которые, как и прежде приветствовали меня, желали доброго утра и спокойной ночи. В ответ лишь натягивала улыбку на лице и отвечала: «И вам», «И вам», «Ивам», «ивам». Проклятый город Ив. Интересно, я тоже замотана в эту белую дрянь? Не чувствовала, чтобы она забивалась мне в рот и глаза, но люди тоже ее не замечали. Я не могла увидеть себя: все зеркала в городе и поверхности, которые раньше отражали, стали мутными. И лишь за городом в реке, сплошь поросшей плакучими ивами, можно было увидеть свой облик. Но туда никто не решался пойти, и все продолжали жить в неведении, не желая знать. Но это говорили мне не люди на улице. Это шептали голоса перед сном, которые пытались не дать мне уснуть, чтобы вновь смотреть мои сказки. Они забирались в щели, зарывались под одеяло и лезли прямо в уши: «Иди к реке, иди к реке, иди...» Не иначе я просто городская су-

масшедшая или… Что тогда случилось с этим городом, что случилось с нами?

Очередным тоскливым утром я шла вдоль кирпичных стен и угрюмых окон, остановилась и долго смотрела на тётю Таню. Муха запуталась в паутине на её лице, возле носа и монотонно и противно жужжала.

– Здравствуйте, хорошего дня, – добродушно улыбаясь, проговорила она.

– И вам.

Её не беспокоило скисшее молоко, гнилые фрукты и плесневые булки на столике перед домом. Она будто не замечала этого, бережно раскладывая их для продажи.

Я пыталась заговорить с ней и дядей Пашей, пока они не исчезли. А люди здесь пропадали каждый день. Новые приходили, старые уходили. Город Ив был переходным пунктом, и никто тут не задерживался. Все хотели покинуть это место как можно скорее. Все, кроме меня. По крайней мере, мне так казалось. Дядя Паша и тётя Таня были здесь дольше всех. Когда я пыталась продолжить утренний разговор, они просто молчали, занимаясь своими делами. Да и меня особо не разжигало любопытство. Мне тоже было словно всё равно. Мы, как куклы, головы которых забиты ватой, делали фантомные дела, что-то имитировали, как будто обычная жизнь продолжалась.

Глава 2

Я думала, что застряла среди одинаковых фрагментов времени, запуталась в них, как в паутине. Но, кажется, час настал. Стук в дверь становился всё громче. Настойчиво долбился в моей голове, стучал пульсом в висках. Кто это может быть? Это они? Они хотят забрать меня? Моё время пришло? В чёрное запотевшее стекло окна ни черта не видно. Лишь тёмный, неясный силуэт. Дрожь хватала за кишки и выворачивала их наизнанку. Стук не прекращался. Почему бы и нет – раз пришло время! Рука потянулась к ручке. Щелчок, и ещё, и ещё. Дверь медленно со скрипом открылась, и...

За ней, низко опустив голову так, что не было видно лица, стоял человек в кожаном плаще. Я напряженно всматривалась и не понимала, что будет дальше. Он стал поднимать голову и упёрся в меня пустым взглядом.

– Багров, зачем ты здесь? Как же ты меня напугал! Ведь нельзя?! После захода солнца нельзя!

– Мне можно. Пустишь? Дверь надо закрыть изнутри, иначе произойдет...

– Пусть происходит. Не хочу больше прятаться! Не могу больше! Устала, – слезинка покатилась из глаза, делая меня слабой и глупой, – Проходи. Правда у меня не прибрано. Не ждала гостей. Никого не ждала. Только конвойных.

Я поправила серое дурацкое платье. Сколько себя здесь помню – оно было со мной, и ботинки на шнуровке. Больше ничего. Очень холодно. Всегда холодно. Мой дом одинок и пуст. Одна только комната, словно келья. Койка, стол, стул, куда я вешала платье и под него ставила обувь. Хорошо хоть на кровати застелено старое покрывало. Я на нём и спала, и накрывалась, когда особенно зябко, и платья не снимала, только обувь.

– А не боишься, что я и есть конвойный? – как-то угрожающе спросил Багров.

– Мне уже плевать. Уже всё равно. Пора – значит пора. Заберёшь?

– Я не за этим пришёл. Только у входа посижу, а утром уйду. Не буду тебе мешать.

Страж втянул ноздрями.

– Это книга? – даже не поворачиваясь в сторону стола, на котором она лежала, спросил он.

– А что, нельзя было её брать? Я завтра отнесу назад.

– Почему? Можно. А что за книга?

Он стоял достаточно близко, чтобы при лунном свете прочесть название. Дурная была идея брать её из лавки. Читать при таком освещении трудновато, но можно. Я смущённо опустила глаза и тихо ответила:

– Сказка. «Спящая красавица».

Багров едва улыбнулся:

– Ну, так спи.

Он был очень странным. Присмотрелась вблизи: вроде и молодое лицо, но с отпечатком зрелости. Глаза мутные, будто пауки выплели роговицу. Широкие скулы и губы, как из камня. Они разверзлись, издавая низкий звук:

– Так можно остаться?

– Да. Уж лучше, чем одной в этом холодном забытьи, – я сама не ожидала, что вот так запросто соглашусь.

Когда он стоял на посту – вызывал доверие и даже чувство защищенности. А сейчас не знала, как его воспринимать. Бояться или нет? Но я уже разрешила, не выгонять же теперь. Любое присутствие в этом мрачном городе грело. Багров взял стул и поставил у входа. Снял кожаный плащ и повесил на спинку. На нём была серая невзрачная рубашка, застёгнутая до самого верха, и неприглядные чёрные брюки. Он сел и отрешённо уставился в стенку.

– Я не причиню тебе вреда, можешь ложиться спать.

Это очень неправильно – лечь спать при нём. Но каждый вечер, пронизанный одиночеством, страхом и безысходностью, вопил обратное. И я легла, не снимая платья, накинула покрывало с головой. Потом всё же стянула его и посмотрела на стража. Он даже не поворачивался в мою сторону. Веки слипались, спокойствие окутывало негой, затягивало дремотой, и я уснула.

Заснула, как младенец: блаженно и сладко, чувствуя себя полностью защищенной. Багров и вправду просидел у двери всю ночь, а утром ушёл.

– Закройся, пожалуйста, чтобы не было холодно и страшно. И поспи ещё немного, – тихо сказал он, выходя.

Я села на кровати, сонно зевая. Давненько я так глубоко и бесстрашно не спала, невзирая на все мои сказки. Багров замер, будто хотел что-то сказать, но не решался. Помялся в дверях и уже почти вышел. Резко остановился и повернулся ко мне.

– Я не должен быть здесь, но увидел в тебе остатки разума. Хочу, чтобы ты знала. Это чистилище. Вы те, кто застрял тут, пока качаются чаши весов. Я здесь навсегда. Мои чаши остановились ровно посередине. Я ничего не вижу, как старый сторожевой пёс, чувствую только запахи. Слежу за этим городом, чтобы люди исправно приходили и уходили. Не замечала, что многих уже нет? Может, думала, что просто не встречаешь их. Нет, они покинули город. Ты тоже покинешь.

Я даже оторопела от неожиданности.

– Выходит, ты смотритель, а мы лишь прохожие, неизбежно идущие к своему суду и приговору. Даже не страж – надсмотрщик за осуждёнными?

– Получается так, – отвел он глаза.

– Подожди, но ведь сюда приводят наши поступки? Что заслужили, то и имеем. Или нет?

– Не всегда. Есть обстоятельства, в жизнь вплетаются чужие судьбы и беды. Много есть того, что ведет сюда. Но, по сути, итог один, да. И здесь невозможно остаться навсегда.

– Но ты же остался. Ведь всегда есть выбор, – как-то

неуверенно протянула я.

– Выбора не существует. Это лишь иллюзия, которую дают глупцам, – сухо ответил Багров.

Страж уже размашистыми шагами уходил прочь от моего дома.

Дождь долбил по закрытым ставням, ветер выл зверем. Но меня это больше не угнетало. Он пришёл снова, с ним было как за каменной стеной: спокойно и тихо. Страж принёс свечи, правда, церковные, и зажёг их, поставив в маленький подсвечник. В доме сразу стало уютнее и теплее. Сам сел, как обычно, на стул.

– Что ты делаешь, чем шуршишь так приятно?

– Сейчас? Я косу расплетаю, – растерялась я.

– А у тебя какие волосы?

– Тёмные, длинные.

Он слабо улыбнулся:

– Наверное, красивые?

– Не знаю. Уже не понимаю здесь, что такое красота. Тут всё уродливое и гниющее. Я и себя не вижу. Не представляю, какая сейчас. Возможно, как все.

– И я уродлив?

Я взглянула на него, пробежала по взъерошенным волосам, волевому подбородку и каменным губам, которые так редко трогала едва заметная улыбка. Нос, кажется, ломали: не сильно заметно, но все же видно перебитый хрящ. Остановилась на слепых глазах, немного жутковато, но, в прин-

ципе, терпимо. Захотелось прикоснуться к нему. Протянула руку и тихонечко тронула за плечо. По пальцам пробежал разряд. Он вздрогнул:

– Не делай так больше.

Я одернула пальцы, как от огня:

– Прости, я больше не буду.

– Ничего, просто осторожней. Хорошо?

– Да, – и добавила скомкано, – И ты не уродлив. Совсем нет. Выглядишь даже получше многих тут.

– Можно я сегодня с краешка прилягу? Я не трону.

– Да, – тихо ответила я.

Причины моих ответов мне были неясны, но с ним лучше, чем без него.

– Ну, и на этом спасибо. Давай ложиться спать. Мне не нужно, но я бы отдохнул.

– Хорошо, – я забилась в дальний угол койки.

– А ты довольно смелая. Дверь мне так бесстрашно вчера открыла.

– Я просто устала в этой бесконечной зелёной тоске. Нет, в серо-чёрной.

– А сейчас не боишься? – он загадочно понизил голос.

– Нет. Страшно, что будет дальше. А здесь уже нет. С тобой.

Багров прилёг на самом краю, как бедный родственник, и медленно заговорил:

– Я знаю всё, что было до, и всё, что происходит здесь.

Но что там дальше, мне неведомо. Моя судьба – остаться на этом рубеже навсегда. Я знаю истории всех, кто находится тут. А ты, ты тоже можешь немного. Ты слышишь зов города. Ты какая–то особенная и пахнешь детскими сказками.

– А имя? Как тебя зовут? Как меня зовут? – меня разрывало.

– Ну и накопила ты вопросов за день, – ухмыльнулся он, – Здесь нет имен, лишь фамилии, скорее клички, как у собак. Имена остались там, за гранью. Здесь безымянная территория.

– А как же тётя Таня или дядя Паша?

– Ну, это же ты придумала. Ты ведь никогда не спрашивала их, просто сама так решила.

Да, я сама их так назвала. Мне нужно было хоть за что–то зацепиться в этом паршивом мире.

– Ты сказал, что я пахну сказками. А чем пахнет тётя Таня?

– Она пахнет пирогами и грязными тряпками, – медленно проговорил Багров, будто вспоминая запах.

– А дядя Паша?

– Столярной мастерской, свежей стружкой и непроходящими от заноз гнойничками на пальцах.

– А расскажи их истории. Ты же сам сказал, что знаешь их все. Или этого нельзя делать?

– Почему же? Нет таких запретов. Истории тёти Тани и дяди Паши до боли похожи. Дядя Паша служил в горячей

точке. Вернулся домой, женился, работал в столярной мастерской. Но вот очень любил закладывать за воротник. И однажды в пьяном угаре он убил свою жену. Проснувшись в ужасе, сам пошёл с повинной. Сожалел о содеянном всю жизнь, потому что роднее жены у него никого не было. И умер в тюрьме, – страж сглотнул слюну.

– А тётя Таня?

Багров стал как–то мягче, разговорился, будто подпустил ближе:

– Тётя Таня зарезала мужа, когда тот кидаться начал. Защищалась. На суде версию с самозащитой рассматривать не стали, дали десять лет. Она тоже раскаивалась, ведь была между ней и мужем когда-то любовь. Но больше жалела о том, как несправедливы суд и жизнь. На свободу она так и не вышла, в тюрьме её убили сокамерницы.

– Грустные истории, – засопела я.

– Здесь все такие.

– Можно я почитаю? Тем более со свечами сподручнее.

Страж хмыкнул:

– Ты книгу так и не отнесла?

– Нет, – виновато протараторила я, – Мне чуть-чуть осталось.

– Да читай, – и он закрыл глаза и замер.

Отблески горящего свечного пламени дрожали на его лице, будто вытесанного неизвестным мастером. Губы слегка сжаты, немного деформированный нос, слепые глаза закры-

ты. Он мерно дышал, грудь под рубашкой спокойно поднималась и опускалась. Непонятно было, спит он или просто отдыхает, но его абсолютное спокойствие передавалось и мне. Как давно этого не чувствовала. Ой, я же хотела почитать. Встала аккуратно, чтобы его не потревожить, и взяла книгу. Села за стол, поближе к догорающим свечам. Умиротворение разливалось по телу, заполняло мысли, пробегало по животу, спине, ногам. Казалось, добиралось до кончиков пальцев. Я смотрела на стража, и не оставалось страха, холода и безысходности. Был только он, я и горящие свечи.

На следующую ночь он пришёл вновь, запер дверь изнутри, закрыл тяжёлые ставни, сел у двери и уставился в пустоту.

– Ты можешь лечь со мной, если хочешь, – заломив пальцы, промямлила я.

Багров улыбнулся сдержанно:

– Хочу. Сейчас обсохну немного.

Я вилась вокруг него, не решаясь подойти. Мне хотелось и поговорить, и потрогать его, может, чем-то помочь. Наконец уселась на кровать и одернула серую юбку.

– Скажи, откуда эти голоса, что я слышу ночами? И ужас, стоящий меж домов, заполняющий улицы и дома? Кто здесь держит всех за горло, не давая принимать решения и совершать поступки?

– Это сам город Ив. Его дух. Он прижал здесь всех своей могучей лапой. Сюда попадают люди с трудной судьбой.

Они принесли мрак и страх с собой из прошлой жизни. Поломанной, исковерканной, разбитой, наполненной обидами и разочарованием, болью и немного любовью. Решение даётся не просто, поэтому здесь так мрачно, – Багров был серьезен и строг.

И он говорил чистую правду, я чувствовала это. Город давил, не давал дышать, душил. Он ощущался в воздухе пугающей силой, которая повергала всех в ужас и не давала воле собраться в кулак. Размазывал тебя по грязным улицам, по серым стенам, делая безмолвной тенью. Тех, кто не сопротивлялся, кто молчалив, безлик и безропотно принимал свою участь, он не трогал. Город-судья, город-палач, город, решающий за тебя. Он как ещё одна камера смертника после камеры смертника. Ожидание убивало ещё раз, пугало, растаптывало и подавляло. Скоро чаши качнутся в последний раз и приговор будет оглашен. Страх всеобъемлющий, всепожирающий заставлял тебя, поджав хвост, ожидать.

А страж здесь, и вправду, был словно слепой сторожевой пёс. Встречал и провожал обречённых или оправданных. Всем рад, вилял хвостом, но так выдрессирован, что не покинет пост. Единственная правда, которую он знал, что нельзя привязываться ни к кому. Все уйдут, а Багров останется здесь, в этом городе Ив, навсегда. Почему же он так проникся ко мне? А может, я такая не единственная? Ведь и правда ничего не знаю о нём. Почему я так доверилась, сама привязалась, цепляюсь за него? Надеюсь, что можно сломать пра-

вила этого мира, сломать неизменное и непоколебимое.

Его лицо стало напряженным.

– Знаешь, я рос в неполной семье. Мама после того, как отец ушёл, сошлась с другим. Этот урод издевался над ней, и мне доставалось.

Хотелось рвануться к нему, пожалеть, но я как сидела, так и осталась на кровати. Не решилась. Он ведь сказал – не надо. Багров продолжал:

– Мне было пятнадцать, я не выдержал. Зарезал отчима пьяного ночью. Меня посадили в колонию, мама ни разу не пришла ко мне. Лишь однажды написала письмо: «Мог бы и потерпеть, ведь я любила его».

Я молчала. Не знала, что ему сказать.

– А хочешь узнать свою историю? Ты не помнишь, верно?

– Нет, не помню. Расскажи, – прошептала я.

– Ты была не самым хорошим ребёнком. Постоянно бунтовала. Убегала из дома. Довела отца до инфаркта, как считала твоя мама. Твои весы с самого детства перевешивали в сторону тьмы. Да, ты и любила темноту. Считала её самым честным временем суток. От родителей ты съехала. Но в бушующем мире нашла лишь друга-наркомана. Но спасти заблудшую душу не всегда возможно. Твой последний светлый порыв был поехать поговорить с матерью. Но та даже разговаривать с тобой не захотела, на порог не пустила. А потом передоз… Твои чаши ещё качаются, мои нет. И я не дам им качнуться не в ту сторону, – Багров смотрел мне прямо в

глаза.

И хоть он не видел ничего, но его взгляд проникал прямо внутрь.

– Не в ту сторону? – переспросила я.

– Не в сторону тьмы, мглы и смрада, поедающих душу. Но до тех самых пор, пока её не разорвет на части.

Багров замолчал. Он был спокоен и неподвижен, его затуманенный взгляд устремился в никуда. Мужественные черты лица онемели, словно он превратился в каменную статую.

Я не стала его больше спрашивать ни о чем, подошла к кровати, легла и накрылась краем покрывала. Мысли поползли мелкими паучками в голову. Убийца. Убил отчима. Но тот сам урод. Как надо довести пацана, чтоб на такое решился? Не было отвращения или осуждения к Багрову и страха тоже. Он будто хотел созреть где-то внизу живота, но передумал.

Наконец страж заговорил, очнувшись от оцепенения:

– Не хочешь больше, чтоб я с тобой ложился?

– Я сама предложила. От слов своих не отказываюсь. Ложись. Ты же сказал – не тронешь. Я верю.

Багров не проявлял ко мне интереса как к женщине. Может, путь стража – смирение и вечное воздержание. Наверное, так даже лучше и безопаснее для меня. И я бы согласилась остаться здесь навечно. В этом, окутанном туманом, оплетённом паутиной, омытом слезами плакучих ив, городе. Но конец был неизбежен. Чаши медленно качались из сто-

роны в сторону. Чувствовала их движение физически, ощущала тяжесть и холод. И не знала, что будет со мной дальше. Вот чего я по-настоящему боялась.

Сон пришёл безболезненно, обняв дымкой и приятной слабостью. И вновь я спала без страха и ужаса за стенами. Они исчезли, испарились, перестали лезть в мой дом, под одеяло, под кожу. Я больше не чувствовала их, лишь покой, но одновременно и радужные сны прекратились.

ГЛАВА 3

Следующим вечером Багров впервые не пришёл. За несколько дней я так привыкла к этому тихому спокойствию. Мой дом больше не грел без него, стал пустышкой. Страхи запустили свои клешни, лезли во все щели. Ветер пытался вскрыть мои ставни, они скрипели человеческим стоном. Я места себе не находила, вся измучилась, извелась. И книги не было, я её отнесла, не было свечей, не было его. Ходила туда-сюда, мерила свою келью шагами, выстукивала тяжёлыми ботинками по полу. Ждала. Но ничего. Видимо, я не одна такая. С чего я вообще решила, что нужна ему? На что надеялась? Вот дура! А может, я просто ужасно выгляжу, как и все тут? А почему я должна отличаться от них? Поэтому он не разрешил мне прикасаться к нему. Я просто отвратительна! И вновь в мои уши роем полезли голоса: «Иди к реке, иди». А почему бы и нет? Хоть узнаю, какая я, и насколько ему омерзительно ко мне прикасаться.

Я собрала всю волю в кулак и, ломая свой страх, отправилась за город. Проходя по сумеречным улицам, наткнулась на открытый двор со столом посередине. Словно семья накрыла его перед приходом гостей и внезапно исчезла. Скатерть, вероятно, когда-то белая, превратилась в серый лоскут ткани, и ветер мотал её оборванные, грязные края. На столе стояли тарелки и бокалы, подернутые трещинками и покры-

тые дождевой грязью. На блюдах – остатки еды, куски плоти на костях, кишащие личинками. Гниющие овощи и фрукты, плесневелый сыр и хлеб. В глиняных вазах торчали протухшие стебли цветов. Везде назойливо ползали мухи и черви. Шевеление сливалось в затхлую симфонию покинутому.

Я подошла ближе и положила руки на стол. Кажется, мухи сочли меня частью этого пиршества. Чувствовала, как они ползали по лицу, мерзко жужжали и пытались забраться внутрь. Но я так и стояла с закрытыми глазами и представляла, какой чудесный здесь был праздник. Как женщины в возрасте, непременно в белых летящих платьях, накрывали на стол. А молодые девушки кружились в стремительном танце под красивую музыку. Мужчины в белых летних рубашках и лёгких штанах разливали вино по бокалам. Красное вино, багровое вино. Оно проливалось на стол и растекалось огромными пятнами по белой скатерти. И эти алые розы в вазах, как кровавые пятна на белом столе. Музыка в моей голове затихла, осталось только назойливое жужжание. Чёрт, эти мухи здесь повсюду! И будут здесь всегда, пока не дожрут наши гниющие тела.

Теперь нужно было выйти за город. Я раньше никогда бы не пошла туда, ещё и ночью, но сейчас всё решено. Мне хотелось знать. Невозможно было продолжать жить, как ни в чём не бывало. Крутиться, как белка в колесе одного и того же дня.

Корявые ветви, будто скрюченные пальцы, тянулись ко

мне, пытаясь залезть под плоть. Их скрежет заставлял невольно вздрагивать. Они хотели схватить меня, не пустить, задержать, словно безмолвная охрана реки у подножия города Ив. Чёрный ворон резко гаркнул прямо надо мной, взмахнул крыльями и улетел прочь, запустив цепочку бесконечного карканья и шума вдоль берега. Звук был настолько противный и скрипучий, что я закрыла уши руками. А птицы всё кружили надо мной, преграждая дорогу к реке. Страх был во мне, я состояла из страха, он управлял мной, тащил назад. Голоса в голове разделились на два чётких. Один призывно шептал: «Иди к реке. Узнай, кто ты. Посмотри себе в глаза. Узнай правду». Второй глухо шипел: «Остановись. Вернись, тебе не нужно это видеть. Не ходи». Что это? Внутренние голоса? Моё любопытство и мой страх? Или это кто-то другой? Может, я просто сошла с ума?

Ветки хрустели под ногами, словно маленькие косточки. Небо не такое, как всегда, затянутое чёрной пеленой, оно было усыпано звёздами. Светила низкая круглая луна, как лампочка Ильича. На фоне ночного неба только верхушки старых ив. Весь горизонт между небом и землёй состоял из ив. Страх обволакивал со всех сторон, покрывал липкой грязной жижей. Кажется, сзади кто–то следовал за мной. Резко обернулась – только ивы, ивы, ивы. Они будто шептали: «И вы, и вы, и вы». Шорох листвы под ногами: «и вы, и вы, и вы». Изо рта шёл пар, как холодный дым от сигарет. Страх, холод и я, и я, и я…

Тропинка стала скользкой. Я оступилась и упала, земля не давала встать. Грязь забивалась под ногти, между пальцев. Река близко. Слышала её шум, видела отблески луны на воде. Почти на месте, почти дошла. Подняла голову вверх. Небо, будто разбитое тёмное зеркало, блестело на трещинах созвездиями. Поднялась и спустилась вниз по берегу уже аккуратнее. Над водой стоял плотный белёсый туман. Ноги сами ехали в мягкой почве, вязли в трясине у самой кромки почти по щиколотки.

Стоя на полуразмытом берегу, покрытом серой глиной, я опустила глаза на чёрную гладь реки. Из отражения на меня смотрели опустошённые, ввалившиеся глаза. Лицо обтянуто тонкой кожей, покрытой кровоподтёками, синие безжизненные губы дрожали. «Это не ты, это не ты», – шептали голоса. Они, словно насекомые, облепили меня и пытались оглушить жужжанием. Похожа на живой труп. Значит вот так я теперь выгляжу. Но было что-то страшнее, чем мой внешний вид, по-настоящему пугающее.

Сзади приближались шаги, они становились слышны всё отчетливей. Смрад дышал от реки мне в лицо. Сердце билось всё сильней. А оно у меня было? Почему–то мне казалось, что оно стучало. Или это пульсировало в барабанных перепонках? Меня охватила паника. Я уже не живая. Самое страшное уже случилось! Или нет? Звук усиливался, я чувствовала спиной движение, повернула голову и ...

– Ты?! Ты так напугал меня.

Это был Багров.

– Я просто пошёл за тобой. Сюда нельзя! Ты знаешь?

– Но ты не остановил меня? Почему?

– Я, наверное, хотел, чтобы ты увидела. Я не вижу, а ты увидела.

– Ты бы мог хоть сказать, что идёшь за мной. Мне было так страшно, – сбивающимся голосом прошептала я.

– Страх он в тебе, в голове, в дрожи в ногах, в спазмах внизу живота. Тебе нечего уже бояться. Всё кончено.

– Постой или это ты? Ты и забираешь...

Слова оборвал порыв холодного ветра. И внезапно стало тихо, мёртво и жутко. Он ничего не ответил.

ГЛАВА 4

Огромная луна висела над зубьями леса. Круглая и манящая, озаряя тёмные ряды ив, наросших вдоль берега. Они склоняли длинные ветви до самой воды, окуная в неё свои слезы. Только здесь не было серых луж под ивами, их смывало течением. Как женщина, убитая горем, смывает их над раковиной в ванной. Лишь бы никто не видел, лишь бы самой не видеть. Луна освещала сгорбленные деревья, а вода уносила боль. Здесь можно было разглядеть себя истинную, но я больше не смотрела в эти чёрные воды, мне хватило той ночи. После неё я узнала секрет, который всегда знала, просто боялась признаться себе. Ведь я всё видела, и я такая же, как тётя Таня и дядя Паша, как все здесь. Я попросила Багрова прогуляться к реке. Днём он не мог покидать пост, и у нас была лишь ночь. Это место обладало пугающим, манящим шармом, который притягивал меня как магнит. А сегодня полная луна заливала его ужасающей красотой. Мы шли, не спеша, вдоль берега, хотя было видно, что ему тяжело плестись рядом, как улитка. Прикасаться к нему я так и решалась, и в последний раз он очень напугал меня. Но было уже плевать. Если Багров и забирает, то делает это очень деликатно. Подарить мне такие спокойные ночи перед уходом – это благородно. Кроме вчерашней. Зачем он хотел, чтобы я увидела себя? Чтоб поняла, что я ужасна? Но в противовес

этим мыслям, что лезли в голову мерзкими червями и копошились там, были и другие. С ним рядом хорошо. Очень.

– А что тот стол, мимо которого я проходила, когда шла к реке? Что там случилось?

– Был весёлый праздник, как и всегда в их дружной большой семье. Но этот день стал самым страшным в её истории. Отец семейства случайно узнал, что сын не от него. Разгневанный, он схватил нож и убил жену, с которой прожил более десяти лет, на глазах у сына и всех родственников. Его посадили, но до суда он не дотянул, повесился в камере. Здесь все с поломанной судьбой, с душевными болями и незаживающими ранами, поэтому город угрюм и покоен. Здесь нет отъявленных убийц и мучителей, нет патологических подлецов и лжецов. Здесь глубоко раненные люди, которые оступились однажды.

Багров продолжал:

– Есть вещи, совершив которые, уже не будет возврата. Их нельзя принимать как должное, их нельзя простить, только искупить. Убив единожды, ты не будешь прежним. Это и есть точка невозврата. Но хуже издеваться, оставляя жизнь теплиться в истерзанном теле. Плен, пытки, рабство – то, что делают короли и их палачи. Им никогда не искупить этого – даже если оно прикрыто благими целями, верой и даже любовью. Это неискупаемо. А если на руках сотни жизней – это путь туда, откуда не возвращаются. Они продали души, и только единицы смогли сохранить хоть что-то человеческое.

Я не дам тебе сделать неверный выбор. Тебе туда нельзя.

– Подожди, а как же маньяки, безумные убийцы, которые делают это ради удовольствия? – спросила я.

– Не могу сказать точно. Но, наверное, это те люди, «нелюди», которые преступили черту. Не справились со своим желанием, одержимостью, злобой, обидой, болью, одиночеством. А те, у которых совсем не осталось рассудка – они как собиратели душ, жнецы. У них тоже не будет возврата. Они продали свой возврат и себя не тому. Но я таких ещё не встречал. В город Ив такие не попадали никогда. У них нет здесь остановки. Хотя...

Я прервала его, выпалив:

– А почему нет детей? Ни одного?

– Дети безгрешные. Для них другой город. Город Солнца.

– А почему мы все так ужасно выглядим?

– Потому что душа никак не покинет бренное тело, цепляется за него. Поэтому все и тащат сюда свои земные разлагающиеся оболочки.

– Все, кроме тебя? Да?

– Я отпустил. И отказался от дара видеть.

– Зачем? – не унималась я.

– Так нужно. Страж в городе Ив должен быть слепым, не видеть всю удрученность этого места. Здешние виды для вас – чтобы раскаялись и смирились. Я здесь, как пёс, лишь встречаю и провожаю. Я чувствую только запах. Вынюхиваю ваши воспоминания. Знаешь, самые яркие из них связаны

с ароматами, люди никак не могут с ними расстаться. А я так всё узнаю о вас, о самом сокровенном. О том, как пахло из пекарни по соседству с магазинчиком, где за стеклянной витриной стояла заветная игрушка. Об аромате белых хризантем, что подарил ей возлюбленный, потратив на них последние деньги. Или о запахе свежего постельного белья, которое застелила мама перед сном и вот–вот придёт рассказывать сказку на ночь.

Он сбился и ранено произнёс:

– А ещё здесь всё непременно пахнет кровью. Терпкой, липкой кровью и болью, отчаянием и отчуждением.

Я молчала, потом робко произнесла:

– А я потом куда?

– Я стараюсь изо всех сил, чтобы туда, куда надо, – мягко ответил Багров.

– А куда надо? Я не хочу без тебя. Ты здесь единственный, кто у меня есть. И я не готова прощаться. Я никуда не хочу. Я хочу здесь с тобой.

– Гнить?

– Быть.

– Это невозможно.

– Всегда можно что–то придумать? Всегда есть выбор? Верно?

– Нет, я уже говорил, – отрезал он.

– Не верю. Он есть всегда.

– Его никогда не было.

– У тебя нет, у меня – да!

Я развернулась и побежала к дому. Багров медленно следовал за мной. Проскочила внутрь и закрылась изнутри на засов. Он настойчиво постучал.

– Сегодня нет. Сегодня у тебя нет выбора, как и всегда. А у меня есть, – выкрикнула я.

– Хорошо, спокойной ночи, – пожелал мне вымученно Багров из–за двери.

Страж сидел всю ночь на моем крыльце, я чувствовала, но не вышла. С утра, когда рассвет начал забиваться в щели ставен, его снаружи уже не оказалось. Он заступил на пост. Багров весь день стоял в карауле, потому что сюда прибывали только, когда светло. В мир, где ничего не происходит: ни плохого, ни хорошего. А ночью здесь главенствовал кто–то другой, дыша холодным ужасом, загоняя всех под замок и забивая каждого в свой угол. Кто-то, имевший силу вершить судьбы.

В голове была вата, будто перемешали мозги и превратили их в сплошную кашу. Ты делаешь какие-то действия фантомно, на автомате. Но сейчас, поняв, что застряла в чистилище, многое стало ясно. Люди тащат сюда свои умершие тела, старые занятия, делают всё по привычке. Цепляются за последние ниточки из прошлой жизни, стремятся помнить о том, что давно пора забыть. Я всегда видела их такими, как есть. Всегда знала, что это проклятый город и что его жители уже не жильцы. Но почему-то туман в голове просто застав-

лял бояться, ждать и ничего не менять.

Следующей ночью Багров тихо постучал в дверь. Я была безумно рада и впустила его без лишних вопросов. Быть одной в этих мрачных стенах казалось теперь пыткой.

– Прости, я вчера вела себя глупо, – виновато произнесла я.

– Ничего.

Он прошёл в дом, но не находил себе места. Молча ходил из стороны в сторону. Затем лицо Багрова стало каменным и наполнилось неистовой болью:

– Давай выйдем на улицу, мне нечем дышать.

– Хорошо.

– А ты знаешь, почему моя фамилия Багров? Знаешь почему?! Потому что я не только отчима, не только его... я ещё и маму. Я не хотел, не хотел! – он отвернулся, и его голос дрожал – Я вышел из колонии, не мог сказать тебе раньше... не мог. Вернувшись из колонии, я первым делом отправился к маме, единственному родному человеку на всём свете. А она кричала, кричала, что я сломал ей жизнь, что мог бы потерпеть! Она толкала, толкала и кричала! Меня наполняла горечь и обида до краёв. Я ради неё... а она не хотела меня даже видеть. Сознание как будто помутилось, это был не я, не я… Взял её за плечи и тряс, тряс, она что-то опять кричала. А я не разбирал ни слова. Мама вновь бросилась на меня, и я толкнул в ответ. Она упала об угол и всё...

Было и страшно после услышанного, и жалко его. Эту

женщину и матерью-то язык не поворачивался назвать. Багров стоял на крыльце спиной ко мне. Я подошла сзади и положила руку ему на плечо, он позволил.

– Ты не виноват. Нет. Это случайность.

Страж обернулся и крепко обнял меня.

– Ты просто был надломленным мальчишкой. Ты не виноват. Тебя ломали с самого детства: отчим, колония, мать. И ты сломался…

– А ты лишь свободолюбива, хотела попробовать всё и сразу. Ты тоже не виновата. У твоего отца была наследственность и нервная работа.

Крупные капли дождя падали на наши лица и смешивались со слезами, текли струйками по щекам. Здесь всегда шёл только чёрный дождь, чёрный, как нефть. Багров прижался ко мне лицом и дышал холодным паром.

– Я же уродлива? – отстранившись, тихо сказала я.

– Я же слеп. – Багров вымученно улыбнулся и ещё крепче прижал меня к себе.

Мокрые, поломанные среди смрада и обид, давящих стен и низкого неба, мы стояли возле моего дома. Страж смотрел мне прямо в измождённое лицо, и туман его слепых глаз словно заполнял меня всю. Мы долго не произносили ни слова, пока я не прервала молчание:

– Ты был хорошим человеком, а застрял здесь. Я хочу скрасить твою вечность. Я хочу остаться с тобой.

– Я тебе не позволю.

– Попробуй. Ты говоришь, что я никогда никого не слушалась. Вот и попробуй заставь. Пока будет возможность держаться за этот мир – я буду. Зубами вгрызаться, но не отпускать… тебя.

– Ты даже не знаешь меня. Ты даже не знаешь, кто я! Возможно, всё, что я рассказал тебе, это ложь. А ты уже готова потратить вечность. Ты сумасшедшая?

– Да, да, да! За время этого забвенья – ты единственное прекрасное, что случилось со мной. Я остаюсь.

– Посмотрим.

– Буду жить с тобой в тумане и паутине. Я не хочу без тебя. Или ты сам не хочешь?

– Я хочу, но это невозможно. Законы бытия не ломаются!

Багров спустился по лесенке, подал руку и неожиданно предложил: «Потанцуем». Я покорно протянула свою. Он прильнул ко мне и медленно начал кружить.

– Что для тебя любовь? – тихо спросил страж.

– Любовь? Странное слово. Для меня нет понятия «любовь», как такового. Есть страсть, одержимость, собственничество, привязанность, благодарность, привычка. Но любви нет, – зачем-то испортила я момент.

Ты описала все стадии любви от её рождения до угасания. Вот это всё и есть любовь.

– Не верю, – отмахнулась я, – Но очень благодарна тебе за то, что ты рядом.

– Ты уже перешла к предпоследней стадии любви, – вяло

улыбнулся он и молча повёл в танце.

Любовь за гранью, любовь в гниющем мире, любовь без любви. Привязанность и благодарность – вот что чувствуют собаки. А может, это как раз и есть истинная любовь.

Лимбо. Лимбо – это мир где–то между жизнью и смертью. А ещё лимбо – это танец. Это наш танец отчаяния. Танец где–то в районе Лимбо, в городе Ив, на площади Возрождения.

Багров жадно втянул воздух ноздрями. Подёрнутый дымкой взгляд блуждал в неведении. Запахло сероводородом сильнее, чем обычно, а тучи стали сгущаться, будто на быстрой перемотке. Все внутри сжалось. Чёрный дождь полил стеной.

– Что это? – в недоумении спросила я.

– Не знаю. Что-то новое, неизведанное, нехорошее. Так пахнет предательство и азарт, помешательство и алчность, смерть и боль. И это всё в одном.

Он закрыл нос руками:

– Слишком громко! Мне тяжело дышать. Беги в дом, запрись и никого не впускай. Ночью к нам ещё не было гостей. А я пойду всё проверю.

ГЛАВА 5

Багров вновь не пришёл, а на утро по пути в книжную лавку мне повстречался парень. Я раньше никогда не видела его здесь. Он был молод и чертовски красив. Чёрные волосы спускались ниже плеч, в глазах горел дьявольский огонёк, откровенные губы, а нос – ровный, как на греческом профиле. Сухой, жилистый, белая рубашка расстёгнута на несколько пуговиц и небрежно заправлена в кожаные брюки. Никакой паутины, дряхлеющего тела, зловонных запахов. Полный энергии и сил, он будто ударом молнии озарил умирающий город. Кто он? И зачем здесь? Не похож на покойника и уж тем более на ожидающего. Что-то до боли знакомое промелькнуло то ли в его взгляде, то ли в ухмылке. Но нет, не отдалось в моей памяти ничем.

– Привет, куда спешишь? – приятным голосом спросил он.

– На работу в книжную лавку.

– Интересно, а для меня там найдётся что-нибудь? Покажешь свои богатства?

– Конечно, пойдёмте, – как-то неуклюже ответила я.

– Если что, называй меня Чёрный, – усмехнулся он, – Так меня все зовут.

– Пустова.

– Это отлично, пустоту всегда можно чем-нибудь запол-

нить, – его низкому бархатному голосу невозможно было сопротивляться.

Я пыталась отряхнуться от него, как от морока, но ничего не выходило. Он лип и лип ко мне, ласкал уши. Вроде бы я слышала его где-то. Мы прошли почти через весь город, и тот казался уже не таким унылым. Будто и дома повеселели и раскрыли ставни, и крыши перестали заунывно стонать, да и дождь сегодня не шёл. От Чёрного разило расслабленностью и непринуждённостью. Бодр, улыбчив, довольно очарователен. Очень странный гость для этих мест. Дошла не спеша с ним до лавки и открыла двери, изнутри пахнуло пылью и паутиной.

– Уф, как ты здесь работаешь, жуть, – и он громко чихнул.

– Здесь так всегда, как ни убирайся, к утру пауки сплетут паутину заново.

– Ну, так себе местечко. Не для такой девушки, как ты.

В голове бегали мысли, будто там волчок запустили. А он разве не видит, насколько я уродлива? Что хочет от меня? И где Багров? Почему его нет на посту?

– Эй, о чём задумалась? – Чёрный широко улыбнулся, оголяя белоснежные зубы.

– Проходите, книга для вас непременно найдётся. Что интересует?

– Посмотри на меня. Как думаешь, что меня может интересовать? – его глаза наполнились блеском до самых краёв.

Он знал себе цену, замер, давая получше рассмотреть.

Слишком безупречный для города Ив.

– Мммм… – протянула я, – Наверное, приключения, современные открытия, жаркая любовь и…

– О, да ты всё обо мне знаешь. Такая проницательная. Хочешь, угадаю, что читаешь ты? Вот эту, и вот эту, ты читаешь здесь все. Но самые любимые – это сказки. Веришь в чудо? Хочешь, я покажу тебе чудо наяву?

Чёрный продолжал увлеченно и неистово:

– Я могу показать тебе свободу истинную. Я только прибыл, но уже набрёл на красивые места. Спорим, ты их ни разу не видела?

– Здесь нет прекрасных мест. Всё тлен, мрак и холод.

– Пойдём со мной, – мягко глядя на меня, загадочно произнёс он.

– Кто ты? – недоумевая, спросила я. – Все, кого я здесь вижу, сломлены и подавлены, но не ты.

– Я гость. Немного заблудился, но непременно найду свою дорогу. Могу взять тебя с собой. Хочешь?

– Почему я?

– У тебя желание не смиряться на лице. Остальные потеряны. Так пойдёшь со мной? Тебе нечего терять, – его голос звучал как гипноз, завораживающий чистой энергией.

– Как-нибудь потом. Возьми, пожалуйста, книгу Жюля Верна «Таинственный остров», как дочитаешь, приходи за новой, – и я буквально вытолкнула его за дверь.

Неужели он не видит, какая я? Или ему всё равно? Что

это за место он нашел здесь? Меня разжигал интерес, томил, хотелось догнать его и узнать. Но сначала мне нужно было узнать, где Багров.

Кое-как пережив очередную холодную ночь, одной теперь хотелось выть, я выбежала из дома раньше обычного. Прошла весь город вдоль и поперёк, Багрова нигде не было. Чёрт, я даже не знала, где он живёт. Как так вышло, что тот дал мне призрачную надежду, и тут же разбил её на куски? Да лучше б вообще никогда не приходил. Зачем были эти разговоры? Эти вечера при свечах? Страж называется. Я дико злилась, и обида топила сердце липкой волной. Оно будто вязло, замедлялось и останавливалось. Возможно, уже остановилось.

Подойдя к лавке, я встала как вкопанная. Чёрный сидел на пороге и дочитывал последние страницы книги. Или демонстративно долистывал.

– Привет, как спалось? Я всю ночь читал. Ты права – очень интересная книга. Подберешь другую? Или прогуляемся?

– А где ты живёшь? – робко спросила я.

– Нигде.

– Ты не боишься здесь один?

– Нет. Могу и тебя научить не бояться. Тут нет ничего ужасного. Этот гнетущий страх лишь для контроля ожидающих.

– Ты знаешь, чего мы ждём? – нервно сглотнула я.

– Я знаю, что неизбежность лишь ложь, в которой тебя

пытаются убедить. Он говорит это всем, заставляет бояться и ждать.

– Кто он?

– Твой друг. Он это всем говорит. Ты такая не единственная. Куда он пропал? Не знаешь? Лучше пойдем со мной.

Последние ниточки надежды, что страж придёт, рвались, и я пошла за Чёрным словно в трансе. Солнце ярко светило над мрачными деревьями, озаряя их своим светом. Город был спокоен, он ещё спал сладким сном, посапывая под мягкой белой дымкой. Нет страха, нет отверженности, нет отчаяния. Нас окружал молочный туман, нежно обнимая со всех сторон. Лучи солнца постепенно начинали иссушать его. Ивы, кажется, оживали, а веточки были покрыты мелкими жёлтыми пушками. Они цвели. Больше не пахло гнилью и плесенью. Пахло утром, свежестью, прохладой и пыльцой. И я почему-то верила ему, шла за ним, как будто знала его всегда. Мы уходили за город в противоположную сторону от реки. Здесь я ни разу не бывала. Впереди до самого горизонта расстилалось огромное поле, наполненное луговыми травами и цветами. Стоял аромат полной и безграничной свободы.

– Когда ты последний раз бегала по утренней росе? – хитро спросил Чёрный.

– Никогда.

– Вот сейчас и попробуем, – он схватил меня за руку, и мы побежали вперед.

Его ладонь была мягкая и тёплая. Давно в этом забытом городе я не ощущала тепла, возможно, даже с щепоткой нежности. Ноги мокрые от росы, путались в густой траве. Свежесть летела в лицо, обдавая детской радостью.

Вдруг он резко остановился.

– Ты знаешь, ты меняешься. Время пошло вспять. Добро пожаловать в свободу! Окунись в неё целиком, дыши ей, хватай ртом, наслаждайся. Нет правил, нет запретов, лишь безграничное счастье! Ты ещё не видела самого главного. Осталось совсем чуть-чуть. Я завтра покажу!

Солнце пробивалось сквозь силуэты ив, и они словно светились изнутри, озаренные его лучами. Так зажигалась надежда в моей душе, что я смогу обрести свободу. И мне не обязательно гнить здесь, в этом мрачном, проклятом городе. Не обязательно ждать своей участи, великого суда и беспрекословно подчиняться чужому выбору. Я могу сама решать, сама выбирать! Могу убежать отсюда! И не надо цепляться за стража, которому я и вовсе не нужна! Но всё же безумно хотелось сказать ему пару ласковых.

ГЛАВА 6

Стук в дверь наполнил комнату. Багров. Наконец-то. Я не сомневалась в этом. Только он стучал настойчиво и одновременно робко, издавая глухой прерывистый звук. Я бы узнала его из тысячи. Распахнув дверь, буквально набросилась на него.

– Я искала тебя! Где ты был?

– Пытался понять, что происходит.

– И что же?

– Пока не знаю. Но тебе надо переждать в безопасном месте. Пойдём, я тебя спрячу.

– Не надо. Я не хочу прятаться. И что происходит в конце концов? Ты можешь объяснить? – злилась я.

– Что-то новое. И я пока не знаю, что мне с этим делать.

Багров больно схватил меня за руку и буквально выдернул на улицу.

– Некогда разговаривать. Да, и сказать мне нечего, – грубо отрезал он.

– Ты не посмеешь! Отпусти! Прошу!

Я не узнавала его. Он сильно сжал мою руку и поволок в сторону заброшенного дома, у которого никогда не открывались ставни. Страж тащил меня ко входу в подвал. Тяжело сбив замок, толкнул внутрь и чем-то подпёр дверь снаружи.

– Ты не оставишь меня здесь! Багров, открой! Отпусти

меня, прошу. Что ты делаешь? Теперь я вижу, кто ты на самом деле! Теперь я знаю, почему твоя собачья кличка Багров! Ты не страж. Ты охотник. Ты губишь души, не спасаешь. Выпусти меня!

– Побудь здесь. Это для твоего же блага, – сухо сказал он.

– Блага? Да ты знаешь, что такое благо? Это совсем не то, что ты здесь делаешь!

Но Багров уже удалялся быстрыми шагами от подвала. Я пыталась открыть дверь, долбилась, стучала, наваливалась на неё, но безуспешно. Она была старая, но крепкая. Солнечный свет пробивался сквозь щели и делил помещение своими лучами на импровизированные части. Низкий потолок давил на затылок. Обернувшись, стала вглядываться в полумрак. И здесь всё покрыто паутиной. Такой густой, как пуховые платки, которыми завесили стены, положили их на скудную мебель и пол. Словно белыми тряпками застелили всё вокруг, так делают в домах, когда кто-то умирает. Ужас продирался в мою глотку. Шуршание пауков, которые непрерывно плели паутину, заполнило весь подвал. Я слышала этот звук и раньше, дома, и в лавке, но здесь он был в сотни раз громче. Забирался мелкими щупальцами в уши, забивался глубоко и лазил внутри. Звук становился невыносимым, доставал до мозга и блуждал там, теряясь в его закоулках. Я шагнула в темноту.

Как же я обманулась. Кто он? Может, сам город Ив? Что здесь вообще происходит? Если это чистилище, то кто

тут всем управляет? Багров? Выходит, всегда кто-то кем-то управляет, кто-то за кого-то решает. Все в его власти, как марионетки у кукловода. И без полного подчинения – суд и приговор. Кто это всё придумал? Он? Они? Группы правящих, группы решающих, группы определяющих. И так ли они сами безгрешны? А все остальные в их власти, полностью зависят от них. Слабы и обречены на подчинение. Неужели этот закон господ и рабов везде работает одинаково? Даже после смерти? Казнить, нельзя помиловать. Похоже, он всё решил. Вынес мне приговор.

Я медленно продвигалась вглубь. Казалось, сейчас увязну здесь, и меня вплетут в этот сырой, затхлый подвал навсегда. Сделав ещё один робкий шаг вперёд, услышала громкий треск под белым слоем паутины. Дрожь пошла мурашками от ног к голове. Что это? Запустила руки в белую субстанцию и наткнулась на что-то холодное и шероховатое. Достала увесистую раму с потрескавшейся краской. В ней блестело зеркало, покрытое тёмными облупившимися пятнами. Я подняла его и опустила глаза.

Плохо видно. Пришлось вернуться к двери, из-за которой сочился свет. А ведь Чёрный был прав. Время пошло вспять. В отражении я видела лицо, покрытое ровной кожей, зелёные глаза и немного пухлые губы. Лицо, нормальное, молодое, моё лицо, кажется. Не то, что я видела в реке. Чёрт, кто из них, кто? Кто Багров? А кто Чёрный? Кто из них друг, а кто враг? Есть ли здесь друзья? Кто теперь я? Фами-

лия-кличка Пустова. Так себе фамилия. Снаружи раздался скрежет. Я сунула зеркало в плотный клок паутины.

– Багров, выпусти. Выпусти, сказала!

– Это я, я. Тише. Дверь медленно открылась, а за ней стоял Чёрный. Я выбежала и бросилась ему на шею. Ты пришёл. Как хорошо, что ты нашёл меня.

– Успокойся, бежим. Всё потом. Я покажу тебе кое-что.

– Иди. Я догоню, – пробубнила я.

И бросилась к тому месту, где спрятала зеркало, но его там не было. Лишь муляж, деревяшка, выточенная в форме того самого зеркала. Привиделось? Может, здесь всё иллюзия? Всё создано моим больным, воспалённым мозгом, неиссякаемой депрессией и тоской. Может, я лежу в психушке и меня пичкают таблетками? А может, я ещё с … ну, с тем парнем, про которого говорил Багров? Я вместе с ним стала употреблять. И это всё галлюцинация, грёбаная наркотическая кома! А может, я из неё не вышла? Ничего не помню, ничего. Голова. Как же больно.

Я выпрямилась и наткнулась прямо на Чёрного.

– Ты зачем вернулся?

– За тобой. Пойдём скорее. Нет времени.

Я уловила в его лице какие-то странные изменения, напряжённое нетерпение что ли. В глазах будто блеснул красный огонек.

ГЛАВА 7

От Чёрного исходила такая бешеная энергия, сносившая с ног. Он держал за руку и смотрел прямо в глаза. И мне хотелось ему верить. Особенно после того, как поступил Багров.

– Почему время пошло вспять? Я видела себя в зеркале.

– Просто так работает свобода! – широко улыбнулся гость.

Но то, что вместо зеркала оказалась деревянная болванка, не выходило из головы.

Чёрный вёл к мосту, которого я раньше никогда не видела. Деревянный, старый, весь обвитый плетистыми розами. Цветы были неестественно крупные, алые и пахли приторно сладко. А гость уже буквально тащил меня, прикладывая немалое усилие. Его волосы трепались на ветру, а силуэт казался отчужденным и напряжённым.

Раздались раскаты грома, будто кто-то бил огромным молотом, наполняя город оглушительным грохотом. Потоки воды низвергались с неба и стекали по лицу, словно струи нефти. Застилали глаза, не давая открыть их. Вот как Багров живёт вслепую. Еле различая очертания перед собой, я стирала потоки дождя, которые вновь заливали лицо. Руки тоже покрыла липкая чёрная жижа, словно это венозная кровь.

Чёрный остановился посередине моста, развернулся ко мне лицом и начал говорить. Я едва различала слова, а ему приходилось кричать всё громче:

– Мы будем путешествовать в междумирье. Мы будем везде и нигде! Мы будем свободны от предрассудков, правил и законов. Мы сами будем решать, что нам делать. Пойдём со мной.

Я стояла на мосту, заросшем алыми цветами. Их запах затуманивал мысли, задурманивал сознание и вёл вперёд. А капли дождя, попадая на розы, окрашивали их в чёрный цвет.

– Давай. Ещё один шаг, и мы свободны. Всего один шаг.

Моя нога зависла в воздухе.

– Я заберу тебя из этого затхлого, прогнившего мира. Давай же. Почему ты медлишь? – орал он.

Переступая невидимую черту, я ощущала её физически и уже почти коснулась той стороны. Как вдруг предчувствие закралось в мою душу, будто что-то сверлило изнутри, не давая сделать шаг.

В этот момент я услышала голос Багрова:

– Стой! Не делай этого!

Но я не желала его слушать. Мне хотелось доверять только Чёрному, хотя в глубине меня билось сомнение. Он сегодня сам не свой. Грубый, дёргающийся, резкий и будто другой. На мост одним прыжком вскочил слепой страж. Смотрел невидящим взглядом, лицо нервно напряжено, а кулаки сжаты. Чёрного искривила гримаса агрессии. Я не видела его таким ещё ни разу. Багров в несколько рывков оказался между нами и с силой отпихнул меня назад.

– Вот видишь, кто он есть на самом деле! – сделав вымученное лицо, крикнул Чёрный.

Страж набросился на него и яростно вцепился в горло. Он был больше и крепче, поэтому навис над гостем, будто скала. Но соперник не сдавался, более юркий и ловкий. Резко ушёл от захвата и напал со спины. Они сцепились в один бесконечный клубок, издавая нечеловеческие звуки. Казалось, что вопит огромный зверь, разрывая мои барабанные перепонки. Крутились в истошном порыве насилия, с переменным успехом ведя в остервенелом танце.

Уличив момент, Чёрный с силой нанёс удар. Багров тяжело перевалился через борт моста и грузно упал на мокрую землю. Гость метнулся ко мне и вновь схватил за руку, выкрикнув:

– Пойдём же скорее! Время на исходе!

Я медлила. Багров уже поднимался на мост. Грязь размазалась по его лицу, волосам, кожаному плащу. Он пылал от ярости. Один тянул меня на середину моста, а второй приближался сзади. Вдруг лицо Чёрного стало меняться, глаза – проваливаться и наполняться красным свечением, очертания искажались и дрожали. В эту секунду я вернула ногу назад и резко вырвалась из крепкой хватки. Когда он попытался схватить меня вновь, с отчаянием оттолкнула его.

– Зачем ты так? Ты бы могла иметь всё! Это был твой последний шанс! Ты сама позвала меня, пойдя к реке. Ты сама усомнилась в неизбежности исхода! Ты сама хотела что-то

поменять! И я мог дать тебе это! Теперь уже поздно, ничего не изменить. Ты сама отказалась от свободы! Сама! – вопил Чёрный.

Я отпрянула и резко остановилась, словно вспышкой увидев остервенелый взгляд и лицо, искажённое злой маской. Тело Чёрного извивалось и плавилось, как от кислоты.

– Это был твой последний шанс! – орал он так громко, что, казалось, я оглохну.

– Да, плевать мне на твои шансы. Ведь всего этого не было! Время не шло вспять. Ты не тот, кем хотел казаться! Ложь и обман! Здесь всё ужасно, и лучше не будет никогда. Не лезь в мой мир! Не лезь в мою голову! Катись к чёрту!

Его дикие животные вопли, сотрясающие мост, становились тише и вскоре совсем замолкли. А силуэт размывался, словно за завесой плотного тумана, и таял. Я отвернулась и подошла к поручню моста. Багров медленно приблизился и встал рядом. Я вглядывалась вдаль, а он лишь делал вид.

– Прости. Я не мог иначе. Как бы я тебя убедил? Пришлось действовать грубо, – хрипло прошептал он.

Я слушала его сквозь потоки воды и едва различала звуки. Они казались далёкими, неважными и терялись в мазутно-чёрных каплях. Не зная, что теперь будет, уставилась на чёрный город Ив, за которым чернел лес. А из чёрного полиэтиленового неба шёл стеной чёрный непроглядный дождь, делая всё вокруг абсолютно чёрным. Чёрная жижа подступала к горлу, будто взяв меня крепкой хваткой, затекала в

рот и глаза. Липкие, вонючие, душащие струи заливались в рот и вытекали через нос. Ощущение было, что кто-то держал меня за лицо ледяными руками. Холод наполнял скулы, губы и пробирал до самых лёгких или того, что от них осталось. Ужас проникал внутрь, наполняя тело, держал крепко, сжимая всё сильнее. Тьма застилала мне глаза. Кажется, я уходила, но видела ещё, что остаётся.

ГЛАВА 8

Багров стоял на мосту, мокрый, в грязи и принюхивался. Пахло тоской, безграничной, всеохватывающей, едкой тоской. Она пронизывала всё вокруг, звенела в ушах, глушила, щекотала ноздри. А ещё пахло гнилью и разложением сегодня так сильно, что невозможно было вдыхать. Как его занесло в этот ненавистный город? Время здесь не шло, оно издевательски стояло безмолвным надзирателем. Надзирателем за надзирателем. Проклятое кольцо, петля ожидания, бесконечность. Пришедшие ожидали исхода, а чего ждал страж? Может, хоть каких-то изменений, проблесков, отсветов былого солнца, которого ему уже не увидеть. Багров обречён застрять тут, встречая и провожая. Он отпустил. Отпустил ради неё. Зачем ей такая жизнь? И не жизнь вовсе, но и не смерть. Карман между жизнью и смертью, где невластно время. А ведь страж совсем недавно здесь, лет тридцать. Может, и у него есть срок, ведь предыдущий ушёл куда-то. Но куда? А может, у них смена караула каждые тридцать или пятьдесят лет? Багров неподвижно стоял, будто бы парализовало каждую его мышцу. Хлесткий ветер мотал слипшиеся волосы по лицу. Что он мог? Да, наверное, что-то. А зачем? Чего бы сам хотел? Уже не важно. Просто принять и затянуть петлю времени потуже на шее. Может, кто-то рано или поздно выбьет табурет из-под его ног. Ночь звала, были

ещё незаконченные дела. Работа – это просто его работа. Он зашагал прочь от моста, который, лишь страж ступил с него на землю, рассыпался в прах. Здесь нет чудесных мест – всё холод, тлен и мрак. И так будет всегда. Или нет?

Это были не ненависть или боль, не отчаяние или одиночество. Это была пустота, всасывающая, как вакуум, делая полым сердце и душу. И разразилась гроза, которой не бывало в городе Ив никогда. Молнии рвались каждую секунду, разбиваясь о каменные стены домов. Ставни трепетали, что казалось, их сорвёт с петель, разметает щепками по старой выщербленной брусчатке. Крыши трещали, пытаясь удержаться на ржавых гвоздях. Чёрная вода текла потоками вдоль домов, омывая пороги. И не осталось ни кусочка, который не трепетал бы перед стихией. Ветер вопил, как раненый зверь, который попал в капкан и знал, что обречён. Гром обрушивал тонны звука на проклятую землю. Багров непоколебимо уходил, зная, что ничего уже нельзя изменить. Всё предрешено.

– Сегодня будет справедливая охота.

Страж шёл, сотрясая землю тяжёлыми шагами. Близилась ночь. И он точно знал, к чьему дому надо идти. Распахнув дверь, вытащил на улицу парня в простой порванной рубахе и штанах, босого. Тот закрывал лицо руками, просил, рыдал, но Багров был непреклонен. Швырнул его на брусчатку возле дома со всей силы. Парень полетел кубарем, сдирая кожу о грубые камни. Дождь безжалостно лил из непроницаемых

туч.

– Либо ты сам пойдешь за город, либо судить буду прямо здесь. Ты знаешь, никто не выйдет из дома, никто не поможет. Дай им спокойно дождаться своей участи, без твоих воплей.

Босой паренёк замотал головой, замычал и начал причитать:

– Умоляю, не надо! Прошу, пощадите. Я ничего такого не сделал!

– Мы сейчас узнаем, как ты оказался здесь. И что ты не сделал. Сегодня всё решится. Время пришло. Иди к реке.

Губы парня задрожали, глаза наполнились ужасом. Он безвольно встал и, опустив голову, поплёлся за город. Сзади неумолимо следовал страж, как конвоир. Паренёк осунулся, опустил плечи и, спотыкаясь, поковылял к своему суду и приговору.

– Стоп, – скомандовал Багров.

Они резко остановились, и ливень прекратился, будто его выключили, нажав на кнопку.

– Развернись.

Тот беспрекословно подчинился, а потом резко рванул в заросли ив.

– Вернись. Хуже будет. Ведь я осужу и за побег.

Но парень бежал, что было мочи. Продирался сквозь длинные ветки, путался в них, спотыкался, поскальзывался. И когда наконец он практически достиг берега, чтобы ныр-

нуть, перед ним из ниоткуда вырос страж. Суровый взгляд пригвоздил беглеца, сделал его будто из камня. Ноги погрузились в зыбучие пески и не давали ступить ни шагу.

– Тебе некуда плыть. Это река смерти. Она показывает всем истинное лицо. Взгляни, – кивнул Багров на тёмную воду.

И песок отпустил парня, позволил сделать один шаг, второй, третий и медленно приблизиться к кромке берега. В отблесках луны на него смотрел живой труп, замотанный в белые полоски паутины, словно больничные бинты. Тот отпрянул.

– Это не я.

– Ты – это уже не ты. Ты труп. Осталось только решить, куда теперь.

– А кто решает?

– Я.

Паренёк умоляюще поднял глаза:

– Прошу, отпустите.

– Ты здесь долго не протянешь. Разложишься через неделю другую. Превратишься в мох, в мицелий, в плесень, в капли дождя. От тебя ничего не останется. Не совершишь переход – и душа не спасётся.

– А что там? – дрожащими губами спросил парень.

– Не знаю. Всё зависит от твоих поступков.

Судья вдохнул шумно и громко. Он вынюхивал грехи, боль и отчаяние.

– Ты пахнешь ревностью дикой, болезненной. Ещё немного её духами с ландышами. Резкий запах, но тебе нравился.

Страж обходил его по кругу и принюхивался, по-псиному, водя ноздрями.

– А ещё маминым борщом со сметаной, сигаретами, одеколоном и... Что это? Дружбой, бывшей дружбой... Ты увидел это и подумал, что он насилует твою девушку? Конечно, она так визжала, не мудрено. И ты...

Багров, сделав полный круг, остановился прямо напротив его лица.

– И ты убил его, да? Схватил вазу со стола и ударил. Чувствую запах тухлой воды, её давно не меняли. Запах угасающих роз. Она не меняла воду у твоих роз. Что она тогда сказала? Чувствую запах лжи. Мерзкой, липкой, жалкой лжи. Она сказала, что он пришёл, будто подождать тебя, а потом набросился на неё. Так?

Парень испуганно кивал.

– А как ты считаешь, какой грех тяжелее – изнасилование или убийство? А я тебе скажу: убийство, но... Ты ведь защищал свою девушку, ты был в состоянии аффекта, если бы не одно, но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.